

АМЕРИКАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ 2014 г.: СТАБИЛЬНОСТЬ ИЛИ НОВЫЙ ВИТОК НАПРЯЖЁННОСТИ В РЕГИОНЕ?

© 2013 г. **Ю.В. Морозов***

Институт США и Канады РАН, Москва

В статье анализируются итоги иностранного военного присутствия в Афганистане и проблемы вывода оттуда войск, стратегия США в отношении Афганистана, сценарии развития обстановки после 2014 г., позиции России и Китая по отношению к складывающейся ситуации, совместные шаги международных акторов в интересах стабилизации обстановки в Афганистане и в регионе.

Ключевые слова: Афганистан, Центрально-Азиатский регион (ЦАР), безопасность, Россия, Китай, США, МССБ, НАТО, ШОС.

Предварительные итоги иностранного присутствия в Афганистане

К 2014 г. США планируют завершить военную операцию «Несокрушимая свобода» в Исламской Республике Афганистан (ИРА), начатую «в ответ» на террористические атаки 11 сентября 2001 г. В соответствии с резолюцией № 1386 Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 г. эта операция проводится под командованием НАТО Международными силами содействия безопасности – **МССБ** (*International Security Assistance Force – ISAF*), насчитывающими 113 тысяч военнослужащих из 50-ти стран – как членов НАТО, так и не входящих в альянс (из них более 74 тысяч – из США). В число поставленных задач включены поиск и уничтожение боевиков «Аль-Каиды» и движения «Талибан», формирование афганской армии, наведение порядка в стране и оказание помощи правительству Афганистана в восстановлении экономики.

На саммите НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. государства – участники операции приняли решение вывести военный контингент из ИРА до 2014 г. В итоговом документе саммита сказано, что условия мандата выполнены: порядок в определённых зонах восстановлен, Усама бен Ладен ликвидирован, в основном завершено формирование национальной афганской армии, которая признана готовой принять эстафету от МССБ.

Однако сравнение реального положения дел в Афганистане с декларациями саммита заставляет усомниться в его итоговых выводах. Известно, что ино-

* **МОРОЗОВ Юрий Васильевич** – кандидат военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН. E-mail: morozovyury51@yandex.ru

странное военное вмешательство в дела суверенного государства определяет действия в политической, военной и экономической областях. Анализ сложившейся в настоящий момент ситуации в ИРА показывает, что международная миссия в этой стране добилась весьма немногого и успешной её считают лишь правительства участвующих в ней стран.

В политическом плане Афганистан по-прежнему остаётся нестабильным. Оккупация его территории силами НАТО имела в качестве одной из целей создание геополитического плацдарма в центре Евразийского континента, чтобы эффективно влиять на обстановку в регионе. Поэтому не планировалось на деле привлекать в международную коалицию ведущие государства региона – Россию и Китай. Более того, стратеги не смогли привлечь к процессу урегулирования ситуации в Афганистане своего давнего союзника в Южной Азии – Пакистан.

Ошибкой США и их союзников по коалиции стали попытки сконструировать в Афганистане государственную систему по западным стандартам. Навязывание афганскому обществу чуждых западных ценностей, к тому же идущих вразрез с национальными устоями и религиозными традициями, не было поддержано подавляющим большинством населения страны. Это дестабилизирует ситуацию и усугубляет решение фундаментальных проблем в социально-экономической сфере, с обострением которых расширяется и база для роста радикальных настроений.

По сути в стране существует двоевластие. Усилиями западного сообщества в Афганистане созданы атрибуты новой государственной власти и проведены выборы. Однако реальная власть на местах принадлежит талибам, которые оказывают воздействие на обстановку в провинциях через влияние на религиозных деятелей, лидеров этнических кланов и местных полевых командиров. Центральная власть в Кабуле, под патронажем Запада, остаётся практически недееспособной, демонстрируя отсутствие чётких целей и реальных концепций развития страны. Присутствие же в госструктурах большого числа иностранных советников расхолаживает афганских чиновников, которые стремятся уйти от принятия конкретных решений.

Ныне разобщённость в афганском обществе ничуть не меньше, чем 12 лет назад: по-прежнему существуют национально-этнические и религиозные противоречия, сталкиваются амбиции политических и военных деятелей и региональных лидеров. Как представляется, это слабо учитывается внешними участниками внутриафганских процессов. Талибы остаются реальной силой в Афганистане, противостоять которой нынешнее правительство не в состоянии ни в политическом, ни в военном аспекте. Многолетнее противостояние США с движением «Талибан» усилило его, закалило политически и подготовило к возвращению к власти.

В военном отношении Вашингтону тоже гордиться нечем. Реальными, а не декларируемыми результатами операции «Несокрушимая свобода» являются сохраняющаяся военная напряжённость и рост антиоккупационных настроений в Афганистане. Несмотря на отдельные успехи военных акций, значительная часть территории страны по-прежнему остаётся под контролем движения «Талибан». Оно практически безнаказанно действует в провинциях Пактия, Хост, Заболъ, Кандагар, Гельменд и Нимруз.

Командованием оккупационных войск не был учтён менталитет афганцев, которые только в новейшей истории с небольшими перерывами воюют уже более 30 лет и у которых отношение к иностранным военным однозначно: «Это – враги». За плечами талибов – многолетний опыт ведения боевых действий на привычной местности, неприхотливость в обиходе и крайний фанатизм. Их поддерживают добровольцы из многих мусульманских стран, им сочувствует население ряда афганских и пакистанских провинций.

При помощи США и других стран численность сформированной армии Афганистана по состоянию на ноябрь 2012 г. была доведена до 170 тыс. человек. Однако эта армия, которая должна принять эстафету от сил США и МССБ, слаба с военно-технической точки зрения; кроме того, у значительной части её состава отмечается низкий уровень идеологической мотивации, что бросается в глаза на фоне более высокого боевого духа и религиозного фанатизма талибов и их союзников. Но если афганская армия всё же обрела некое подобие устойчивости, то национальная полиция по большей части коррумпирована, наполнена агентами противника и не способна выполнять функцию стража общественного порядка.

Сохранению негативного отношения к иностранному контингенту во многом способствует необоснованное применение военной силы, что приводило к гибели гражданского населения. Делая ставку на ведение неkontaktных боевых действий, командование американских войск и МССБ стремится свести к минимуму свои военные потери, но эта тактика влечёт за собой значительные жертвы среди мирных граждан. Так, потери среди афганского населения, по различным источникам, уже составили от 14 до 34 тысяч жизней, что существенно усиливает антизападные, а заодно и антиправительственные настроения в Афганистане.

Потери сил международной коалиции по состоянию на 22 октября 2012 г. составляли 3 190 погибших. Наибольшие потери понесли США (2 134 военнослужащих), Великобритания (433), Канада (158), Франция (86) и ФРГ (53). Несмотря на эти потери, войска НАТО, противодействуя постоянно меняющемуся противнику, который использовал различные методы и способы ведения боевых действий, накопили в Афганистане значительный опыт. Он может пригодиться альянсу в случае развязывания военных действий на других территориях, например – в Сирии и Иране [12].

В целом 12-летняя военная кампания Запада, превзошедшая по своей продолжительности нахождение на афганской территории советских войск, демонстрирует, что в условиях иностранного военного присутствия никакая центральная власть в Афганистане не будет в глазах населения обладать легитимностью и пользоваться уважением. Очевидно, что присутствие чужих войск на афганской территории, даже если их действия подкреплены мандатом ООН, а их целью является поддержание стабильности в государстве, выступает главным раздражающим фактором для населения Афганистана.

Экономическую стратегию, если соотнести её результаты с затратами, также нельзя назвать успешной. Помощь США Афганистану варьировалась от 1 млрд. долл. в 2001 г. до 2,3 млрд. долл. в 2012 г. Эти средства шли на реализацию главных направлений стратегии Запада по восстановлению Афганистана. Одним из первых проектов стало строительство национальной кольцевой дороги протяжённостью 3 362 км, которую можно использовать для решения

ряда военных задач, включая вывод войск из Афганистана [6]. Другим проектом являлся транзит энергоресурсов (ТАПИ) из Центральной Азии в Южную. В случае его реализации это будет альтернативный путь экспорта туркменского газа на мировые рынки без участия России. Ещё одним региональным направлением стратегии транспортировки энергоресурсов стал проект экспорта электроэнергии из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан (*CASA-1000*).

Акцент на этих проектах свидетельствует о том, что западные стратеги рассматривают Афганистан как «транзитный коридор» между Центральной и Южной Азией. Афганские и региональные эксперты критикуют эту стратегию, поскольку она не гарантирует создания в стране новых рабочих мест. При этом критики ссылаются на примеры советской эпохи, когда в Афганистане при поддержке СССР было построено более сотни инфраструктурных объектов.

В 2011 г. были предприняты шаги по объединению ряда региональных проектов в один пакет под названием «Новый шёлковый путь». Это совокупность транзитных проектов, которые должны соединить Центральную Азию и рынки побережья Индийского океана в обход Китая. Ведущим актором намерена стать Турция, хотя в официальных документах формат и состав участников «Нового шёлкового пути» ещё не определены. Ряд экспертов сомневаются в способности Анкары эффективно реализовать столь сложный многосторонний инфраструктурный проект. При этом главной причиной называют то, что Турция является участником афганского конфликта.

В настоящее время власть в Кабуле живёт за счёт внешних кредитов, взамен обещая вести борьбу с коррупцией, развивать демократические ценности в стране, защищать права и свободы населения. Но эти обещания не совпадают с реальным положением дел. Значительная часть финансовой помощи ИРА со стороны Запада расхищается или используется неэффективно.

Доказательством тому служит рост «опиумной экономики», которая достигла объёма почти в 7 млрд. долл. в год, что намного превосходит главную статью официального экспорта Афганистана (ковры) – 187 млн. долл. Плантации опиумного мака расширяются, и сегодня на Афганистан приходится 90% мирового производства этой культуры, возделывание которой стало основным видом деятельности по всей стране. Реальной борьбы с наркотрафиком из Афганистана не ведётся. По мнению ряда экспертов, это вызвано опасениями США, что в случае развёртывания активной борьбы с наркобизнесом потери американских войск резко возрастут. Так считает швейцарский журналист Р. Лабевьер, автор книги «Доллары террора. Соединённые Штаты и исламисты».

Следует в то же время отметить и положительные моменты, привнесённые МССБ в Афганистан. Частичному восстановлению мирной жизни в стране способствовали группы «восстановления провинций» и «связи с гражданской администрацией», действовавшие в разных районах Афганистана. Они помогали восстанавливать хозяйственную инфраструктуру, заключали соглашения с местными властями о привлечении имеющихся ресурсов в интересах мирной жизни, обеспечивали поддержку деятельности МССБ, оказывали помощь в решении юридических вопросов. Однако их усилия сводились на нет талибами, которые заставляли местное население уничтожать всё то, что сделано руками «иноверцев».

Очевидно, что иностранное присутствие в стране осуществляется не столько в интересах восстановления Афганистана, сколько в геополитических и экономических интересах стран, вовлечённых в «афганский конфликт». Это вызывает крайнее недовольство афганского населения и используется противниками правительства Х. Карзая, в первую очередь талибами, в пропагандистской деятельности, направленной на устранение иностранного присутствия в их стране.

Отмеченный далеко не полный перечень проблем, сохраняющихся после 12-летнего пребывания США и МССБ в Афганистане, вызывает у мирового сообщества обеспокоенность по поводу сохранения стабильности в регионе. Поэтому Россия после завершения миссии МССБ намерена инициировать решение вопроса о предоставлении отчёта Совбезу ООН командованием МССБ в Афганистане относительно результатов выполнения резолюции № 1386.

Американская стратегия в Афганистане после 2014 года

Как представляется, американская стратегия исхода из Афганистана заключается в том, чтобы после 2014 г. «уйти, но остаться» в этой стране, сохраняя контроль над центром Евразии, где США преследуют важнейшие для себя геополитические, экономические и военные цели. Вполне вероятно, что в стремлении сохранить своё лидерство в мире, США будут продолжать стратегию, направленную на сдерживание Китая; на недопущение интеграции государств ЦАР и России; на воспрепятствование превращению Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в геополитическое образование, способное противостоять Соединённым Штатам.

Присутствие США в центре Евразии диктуется:

- во-первых, стремлением сохранить свой воинский контингент в Афганистане. Этих сил, учитывая сохраняющиеся базы в Узбекистане и Киргизии, будет достаточно, чтобы контролировать западные районы Китая, где находится полигон испытания ядерного оружия «Лобнор», а также юг России. Однако этих сил будет недостаточно, чтобы сдерживать талибов. Если уж нынешняя группировка численностью более 100 тыс. человек не в состоянии стабилизировать обстановку в ИРА, то что говорить о гораздо меньших силах;

- во-вторых, возможностью усиления влияния на государства ЦАР со стороны Вашингтона, существенно активизировавшего в последнее время политическое и военное сотрудничество с руководством этих стран. В случае необходимости усиления своего влияния на государства ЦАР в арсенале американцев остаются проверенные на практике способы инициирования «цветных революций» по образцу «арабской весны»;

- в-третьих, привлекательностью проекта «Нового шёлкового пути», позволяющего вовлечь в него страны ЦАР и вытеснить оттуда российские и китайские компании, а также получить доступ к ресурсам региона, создав при этом «транзитные коридоры» в обход России и Китая. Это даст возможность Вашингтону влиять на экономическую ситуацию в регионе в выгодном для себя направлении, в том числе определять цены на сырьё и услуги по его транспортировке.

С учётом вышесказанного, ожидать окончательного ухода США из Афганистана не следует. Будут выведены лишь боевые части, однако военное и иное присутствие там сохранится. В мае 2012 г. Вашингтон и Кабул подписали соглашение о стратегическом партнёрстве, которое позволяет Соединённым Штатам оставить свои подразделения в стране. Соглашение также закрепляет за ИРА роль одного из главных союзников США в регионе наряду с Пакистаном.

Пока официально численность войск, которые Вашингтон планирует оставить в Афганистане, не раскрыта. Эксперты полагают, что это может быть 6–10 тыс. военнослужащих [16] на пяти военных базах в ключевых районах ИРА: в Баграми (около Кабула); на западе в Шихане (у иранской границы); в Мазари-Шарифе (на севере); а также на юге (в Кандагаре и Гильменде) [14].

При этом концепция «борьбы с повстанческим движением в Афганистане» с непосредственным участием американских войск будет ориентирована на проведение операций против «Талибана» по типу акции по уничтожению бен Ладена. Это соответствует военной доктрине США, которую в январе 2012 г. обнародовал президент Б. Обама. В ней речь идёт о готовности США уже не к двум войнам одновременно, а к одной, плюс не прямые действия в других регионах мира [2]. Большую часть американских войск в ИРА составят подразделения спецназа, которые будут проводить совместные операции с бойцами афганских спецгрупп «Кандак». Кабул уже согласился предоставить американским военным право использовать любые военные объекты страны. Кроме того, американцы продолжают обучение армейских подразделений и сил полиции Афганистана.

США и их союзники также взяли на себя обязательства по «поддержке социального и экономического развития Афганистана» на срок до 2024 года. Вашингтон собирается продолжить программы по строительству дорог и созданию инфраструктуры в стране. Участники конференции 2011 г. в Токио, на которой присутствовали делегации из 70 стран, решили, что до 2015 г. совместными усилиями выделят Афганистану на эти цели 16 млрд. долларов. Япония дополнительно выделит ещё около 3 млрд. долл. к 2016 г. на развитие экономики и инфраструктуры ИРА. Кроме того, на саммите НАТО в Чикаго (2011 г.) было принято решение о выделении Афганистану по линии альянса ещё 4,1 млрд. долл. на военные нужды. Между тем президент Афганистана Х. Карзай в апреле 2012 г. заявил, что его страна нуждается в дополнительных средствах и что США должны после 2014 г. выделять ИРА, как минимум, 2 млрд. долл. ежегодно.

В перспективе Соединённые Штаты всё-таки будут сокращать свою помощь Афганистану. На это есть объективные причины – мировой кризис продолжает подрывать экономическую мощь США. Другая причина кроется в проблемах американского финансового сектора. Оборонный бюджет к 2023 г. предполагается сократить на 400 млрд. долл. Это ударит по возможностям Пентагона в части финансирования боевых операций и содержания военных баз по всему миру, включая Афганистан. В этой связи Вашингтон ищет варианты, при которых его силы остались бы в ИРА как можно дольше, но в размерах, при которых они не станут столь обременительными для бюджета. С учётом этого обстоятельства Государственный департамент США подталкивает Кабул к сотрудничеству с умеренными талибами, чтобы в результате до-

говоренностей с ними и после 2014 г. сохранить американское влияние на ситуацию в стране и в регионе.

Не надеясь на успех Кабула, американцы сами энергично налаживают связи с талибами. В разное время в Абу-Даби и Кабуле состоялись встречи представителей американского и афганского правительств с влиятельными пакистанскими лидерами, а также видными представителями движения «Талибан». С талибами обсуждались вопросы о постоянных контактах с целью выработки условий вывода коалиционных сил из Афганистана. Пока прогресса в этой области не достигнуто. Стали известны лишь условия, при которых талибы пойдут на согласие: **вывод всех** (подчеркнуто автором) **иностранных войск** из страны, **предоставление «Талибану» графика вывода войск**, изменение Конституции Афганистана с включением талибов во власть и, наконец, **признание движения «Талибан» за рубежом**. Каждое из этих условий может свести на нет все усилия пребывания США и МССБ в Афганистане.

Но затем талибы приостановили переговоры и, похоже, тянут время, стремясь выиграть войну «на истощение» с учётом того, что большая часть стран западной коалиции уже начала вывод своих подразделений из Афганистана. К началу 2013 г. страну покинули 32 тыс. американских военных, были закрыты 208 баз США и НАТО, а 310 – переданы афганским силам безопасности. К концу 2014 г. оставшаяся группировка сил США и МССБ должна покинуть Афганистан. Но на пути её возвращения на родину существует ряд проблем.

Проблемы вывода войск и перспективы пакистано-американских отношений

Для иностранных войск, выводимых из Афганистана, существует два пути исхода из страны: по «южному маршруту» через территорию Пакистана и через «Северную распределительную сеть» (СРС) – закреплённую международными договорами схему поставок грузов США и НАТО через транспортные сети России, Узбекистана, Туркмении и Таджикистана. Третий маршрут – через Китай – для войск коалиции закрыт, так как власти КНР отказали в разрешении на транзит грузов для сил США и МССБ в Афганистан через свою территорию.

До ноября 2011 г. по «южному маршруту» силам коалиции доставлялось 48% всех грузов и большая часть горюче-смазочных материалов. Доля транзита непосредственно для войск США составляла 30%. Через СРС поставки невоенных грузов составляли: 52% для сил МССБ и 40% – для войск США.

Но когда самолёт США в ноябре 2011 г. «непреднамеренно» уничтожил 24 пакистанских солдата на границе с Афганистаном, маршрут через Пакистан для американского транзита был закрыт. А после ликвидации без согласования с Исламабадом американским спецназом лидера «Аль-Каиды» на территории Пакистана в мае 2011 г. американо-пакистанские отношения скатились к низшей точке их состояния.

С закрытием «южного» транзита 90% транспортной нагрузки несла СРС, так как операции в Афганистане продолжались и требовали постоянной доставки грузов. Ныне Вашингтону придётся расширять их поток в обратном направлении, что загрузит указанную сеть ещё больше. Это потребовало от США интенсивной дипломатической активности в переговорах с РФ и респуб-

ликами Центральной Азии – ведь изначально в соглашениях по СРС предполагался только транзит в Афганистан, но не обратно. В результате переговоров эта проблема была решена. В феврале 2012 г. на слушаниях в Конгрессе глава Транспортного командования ВС США генерал У. Фрейзер сообщил, что администрация Обамы заручилась согласием Казахстана, Киргизии и Таджикистана на транзит через их территорию американской военной техники и других грузов, вывозимых из Афганистана.

Вместе с тем у США и НАТО возникла другая проблема – куда эти грузы направлять? Максимально, по цепочке СРС имущество можно перевозить до побережья Каспийского моря, откуда его придётся доставлять морем в Азербайджан, и затем через Турцию или Грузию – к океану. Поэтому НАТО продолжала склонять Москву к более интенсивному использованию авиатранспортного узла в Ульяновске, к которому грузы из Центрально-Азиатского региона доставлялись бы по железной дороге, а оттуда отправлялись бы самолётами в Европу и США.

Независимо от того, как станут развиваться события в Афганистане в 2013–2014 гг., вывод войск коалиции из страны – это беспрецедентная по масштабности и сложности задача, которую надо выполнить в ближайшее время. А потому за оставшиеся неполных два года командованию сил США и МССБ необходимо решить многое. Это касается и численности выводимых войск, и необходимого уровня координации их действий при выводе, и количества транспортных средств, контейнеров и т.п.

НАТО оценивает стоимость используемого в ИРА военного имущества в 23 млрд. евро [10]. Его транспортировка из Афганистана по воздуху обойдётся в 10 раз дороже, чем по земле. Предпочтительное средство транспортировки – грузовиками. По расчётам командования США, на протяжении двух лет ему понадобится отправлять из Афганистана ежемесячно порядка 2 200 контейнеров и транспортных средств, чтобы полностью вывезти технику и оборудование из Афганистана, из них – примерно 25% по СРС. При этом необходимо учитывать географию и транспортную инфраструктуру ИРА: у Афганистана нет портов и почти нет железнодорожных веток. Многие автодороги находятся в плохом состоянии. Когда конвои начнут вывозить грузы, их будут ожидать мины, засады боевиков и мародёров, а также неприятные сюрпризы в виде плохих погодных условий, горных обвалов и т.д.

Необходимо решить, что именно будет передано афганской армии и силам безопасности, что должно быть уничтожено и что – и в какой последовательности – будет вывезено из страны. Кроме того, остающиеся в ИРА военнослужащие должны быть обеспечены продуктами, транспортными средствами и оружием. Следует также определить надёжные маршруты вывода войск из страны, в которой по-прежнему происходят вооружённые столкновения, и их количество по мере вывода войск, скорее всего, будет увеличиваться.

В ноябре 2012 г. Пакистан вновь открыл «южный маршрут», приняв извинения от Вашингтона за ноябрьский инцидент 2011 г. Это позволило снять существовавшую около года напряжённость в отношениях между Вашингтоном и Исламабадом.

В условиях сокращения военного присутствия в Афганистане и ожидаемого усиления активности со стороны сил «Талибана» и «Техрик-и-Талибан Пакистан» («ТТП»), Исламабад представляет всё большую значимость для Ва-

шингтона, поскольку базы боевиков «Талибана», в основном, находятся на пакистанской территории, а потому без сотрудничества с пакистанскими спецслужбами будет практически невозможным проведение спецопераций против них по типу майской 2011 г., когда был ликвидирован бен Ладен [16].

Исламабад важен для Вашингтона и в логистическом плане – для снабжения остающихся подразделений в ИРА, а также вывода войск через порт Карачи [13]. Вместе с тем этот маршрут проблематичен с точки зрения безопасности, так как на нём возможны нападения и грабежи со стороны «Талибана» и «ТТП», что потребует увеличить охрану конвоев до размеров, необходимых для обеспечения маршрутов, проходящих не по дружественной, а по враждебной территории.

В свою очередь для Исламабада является важным, чтобы с уходом США из Афганистана в «вакууме безопасности», который неизбежно наступит после 2014 г., сохранилось пакистанское влияние. Любой режим, который будет у власти в ИРА, должен гарантировать соблюдение интересов Пакистана и сохранить для него «стратегическое пространство» в соперничестве с Индией.

Кроме того, Пакистан, имеющий большое влияние на талибов и поддерживающий связи с афганской группировкой «Хаккани», претендует на роль главного участника переговоров, стремясь получить крупные политические дивиденды. Исламабад уже дал понять Вашингтону, что надеется на свою более активную роль в переговорах по поводу будущего обустройства ИРА.

Пакистано-американские отношения могут развиваться по двум направлениям. При «позитивном» развитии военные связи между США и Пакистаном значительно активизируются для создания благоприятных условий вывода войск. Сотрудничество в других областях будет поддерживаться на положительном, хотя и сниженном по сравнению с периодом «до ликвидации бен Ладена» уровне. Вашингтон понизит накал критики в адрес Исламабада в связи с его поддержкой «Талибана», а Исламабад ослабит критику действий США на территории Пакистана и будет оказывать содействие в поддержании контактов США с талибами для продолжения переговоров.

«Негативное» развитие событий может иметь место в условиях: резкого ухудшения обстановки в ИРА в ходе вывода войск; провала переговоров США с представителями талибов или невозможности достичь ими хотя бы видимых уступок со стороны талибов; серьёзного осложнения ситуации в Пакистане; а также в случае крупномасштабного теракта со стороны «Аль-Каиды» против сил США в Афганистане. При таком варианте развития событий США вновь выступят с обвинениями в адрес Пакистана в «пособничестве терроризму», а Исламабад возобновит острую критику действий Вашингтона.

В свете вывода сил западной коалиции из Афганистана возникают закономерные вопросы: какова будет ситуация в этой стране после 2014 г. и как она отразится на ближайших соседях Афганистана – на центральноазиатских государствах и региональной безопасности в целом?

Сценарии развития обстановки в Афганистане и их влияние на региональную безопасность

Вероятное развитие событий в Афганистане и в государствах ЦАР после 2014 г. можно свести к четырём основным сценариям – двум негативным, одному умеренно негативному и одному позитивному.

Негативные сценарии. Ситуация в Афганистане при первом сценарии – это развитие обстановки по «балканскому пути». Сценарий наиболее вероятен в следующих случаях: отсутствие решающего успеха в противостоянии с «Талибаном» на завершающей стадии операции «Несокрушимая свобода»; уход американцев без достижения договоренности с талибами о территориальном размежевании; наличие значительных зон на территории страны, неподконтрольных правительству Х. Карзая.

При свертывании значительной части военного присутствия США, в стране могут усилиться центробежные тенденции и начнут набирать силу провинциальные лидеры и полевые командиры, многие из которых уже сегодня только номинально признают кабульские власти. Как и в бывшей Югославии 1990-х годов, в ИРА возможна ситуация, когда афганское политическое поле будет представлять собой конгломерат различного рода племенных и военных группировок, находящихся в сложных отношениях друг с другом. Большинство из них, скорее всего, наладят связи с внешними силами, которые будут рассматривать складывающуюся там ситуацию как средство достижения своих интересов с помощью этих группировок.

В случае провала переговоров с талибами вполне вероятно, что власть Х. Карзая долго не продержится и что в Афганистане начнется гражданская война между юго-востоком и северо-западом страны, а «Талибан» вновь попытается захватить власть [3]. Его действия будут поддержаны южными провинциями, где проживают преимущественно пуштуны (около 40% населения страны). Другие этнические группы не захотят подчиниться пуштунам без боя. В первую очередь это таджики (около 30% населения), которые живут в районе Герата и на северо-востоке страны. Помимо них в военное противостояние будут втянуты хазарейцы, узбеки, аймаки и туркмены, которые составляют 30% афганского населения.

При возвращении во власть в Кабуле «Талибан» может вернуться к идее своего продвижения в направлении ЦАР. Там «Талибан» поддержит «Исламское движение Туркестана», чем дестабилизирует региональную обстановку. Вероятность повторения югославских событий 90-х годов прошлого века является весьма высокой. При подобном сценарии Вашингтон уже не будет обладать эксклюзивными правами на контроль процессов в Афганистане, а станет одним из игроков на афганском геополитическом поле.

Возможен и другой негативный сценарий – уже по типу «арабской весны». Запад представляет события 2011–2012 гг. на Ближнем Востоке и в Северной Африке как «победу демократических чаяний народов этих стран». Однако зачастую упускается из вида тот факт, что результатом таких событий стало проявление весьма опасных тенденций. На волне народных выступлений в арабском мире вышли из подполья силы и группировки, исповедующие радикальные методы борьбы за политическую власть и опирающиеся на исламистскую идеологию. Примеры этому налицо в Ираке, Ливии и Египте. То же про-

исходит в Сирии, где радикальные группировки, опирающиеся на исламистскую идеологию и помощь из-за рубежа, развернули гражданскую войну в борьбе за власть.

Но при реализации любого из приведённых сценариев негативные моменты региональной безопасности в странах Центральной Азии усугубятся. Можно ожидать усиления криминализации и радикализации населения региона; осложнения межнациональных отношений, углубляемых исламским экстремизмом, и как следствие – возобновления гражданской войны, прежде всего в Таджикистане, куда из Афганистана хлынут исламисты-оппозиционеры, ныне находящиеся в ИРА. Возможен также крах светской власти в других республиках ЦАР, ухудшение перспектив реализации энергетических проектов с участием международных акторов, резкое увеличение роста наркотрафика не только в Центральную Азию, но и в направлении России и стран Европы. Практически неизбежен рост террористической активности на границах и внутри государств ЦАР.

Умеренно негативный сценарий. Американцы и талибы достигнут соглашения о территориальном разделении страны. «Талибан» будет контролировать юг и восток Афганистана, а правительственные силы – обеспечивать безопасность на севере и на западе. При этом местные полевые командиры должны согласиться с таким разделом.

Последствия для стран ЦАР и региональной безопасности будут таковы: незначительное сокращение наркотрафика; сохранение дестабилизирующих факторов в виде роста криминализации и экстремизма; возможность относительного контроля над границей в случае предсказуемости позиций североафганских полевых командиров; срыв энергетических проектов, так как стабилизация обстановки только на севере и западе страны не позволит осуществлять транзит газа и электроэнергии к конечным потребителям в других странах. Возникнет проблема создания транспортных и энергетических коридоров через Афганистан с севера в направлении пакистанских портов. Это будет препятствовать реализации экспортных и экономических возможностей самого Афганистана и всего «Нового шёлкового пути».

В случае обострения обстановки в Афганистане, издержки, которые станут нести государства ЦАР, станут выше, так как возрастут расходы на обеспечение безопасности, что негативно отразится и на инвестиционном климате региона. Кроме того, возникнет опасность превращения юга и востока Афганистана в зону подготовки радикально настроенных боевиков.

Может также возрасти незаконная контрабанда оружия и литературы в республики ЦАР. Следует ожидать и усиления геополитической конкуренции в регионе между ведущими политическими акторами и международными организациями за втягивание государств ЦАР в орбиту своего влияния, что превратит регион в своеобразную «серую зону».

Позитивный сценарий. США сохраняют своё присутствие в Афганистане. В стране произойдёт сплочение большей части элит вокруг официального Кабула, удастся договориться с умеренным крылом «Талибана». В результате позиции афганской армии укрепятся на всей территории, и непримиримой части талибов будет нанесено поражение. Поэтапно будут решаться социально-экономические проблемы страны. Создадутся действенные механизмы контроля над производством и транспортировкой наркотиков.

Вашингтон приложит все усилия, чтобы снять озабоченности Москвы и Пекина по поводу американского присутствия в ИРА. В этом его традиционно будет поддерживать международное сообщество, которое призывает РФ и КНР принять участие в совместных усилиях по восстановлению и развитию Афганистана как условие обеспечения стабильности в регионе. Этот сценарий вероятен, однако США, КНР и РФ вряд ли достигнут консенсуса по поводу целей американского присутствия в регионе.

Последствия для Центрально-Азиатского региона при таком сценарии: стабильные границы; снижение притока экстремистов, оружия и наркотиков в сопредельные с Афганистаном страны; появление возможности участия государств ШОС в восстановлении афганской экономики и реализация энергетических проектов, в случае достижения договоренностей между сторонами; повышение притока иностранных инвестиций в связи со снижением рисков в сфере безопасности.

В целом, реализация большинства из обозначенных сценариев негативно повлияет на региональную безопасность и на национальные интересы центральноазиатских государств – членов ШОС, включая ведущих акторов организации – Китая и России, чьи позиции в Центральной Азии в настоящее время наиболее сильны.

Позиции Китая и России по отношению к выводу войск

В настоящее время **Китай** проявляет сдержанность в международных делах, сосредоточившись на решении задач внутреннего развития и заботясь об обеспечении внешних условий для этого. Иными словами, Пекин продолжает придерживаться принципа Дэн Сяопина – «держаться в тени» [7].

Следуя этому принципу в Афганистане, китайские официальные лица выступают за то, чтобы ШОС, в которой Китай играет лидирующую роль, получила бы некоторое влияние на будущее страны. Однако на саммитах этой организации, при рассмотрении вопросов, связанных с поиском путей урегулирования ситуации в ИРА, инициативы исходят, в основном, от России и стран ЦАР, нежели от самого Китая. Он выступает за то, чтобы национальные и международные действия в ИРА координировала бы ООН, где Китай обладает правом вето в Совете Безопасности.

Несколько иной подход Пекин демонстрирует только в интересах создания благоприятных условий для китайского присутствия в Афганистане. В настоящее время на территории ИРА уже развивается около 30 китайских проектов(!). Пекин также подписал с Кабулом ряд экономических договоров, расширяющих освоение Китаем нефти и газа, а также других полезных ископаемых. Так, например, китайские нефтяные компании в течение 25 лет будут иметь право добывать нефть в провинции Сари-Пуль [8]. А ещё одна компания (*China Metallurgical Group*) планирует инвестировать 3,5 млрд. долл. в месторождение Айнак.

Пекин и Кабул также подписали соглашения о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом в интересах укрепления безопасности в регионе. В 2012 г. для стабилизации обстановки в Афганистане Китай оказал помощь правительству ИРА в размере 23,8 млн. долл. на различные проекты. Указан-

ные средства несравнимы с 4 млрд. долл., которые Кабул получит от НАТО в качестве «платы за мир» либо «инвестиций в сохранение мира», но в отличие от США и НАТО на Китае не лежит ответственность за ситуацию, которая складывается в Афганистане.

Китайские эксперты не выражают опасений в связи с выводом войск альянса из ИРА, однако они продолжают винить США и НАТО в неудачных попытках разгрома талибов и критически оценивают их способность решить проблему гигантского роста экспорта наркотиков из Афганистана. Они выражают опасения в связи с возможным продолжением пребывания США в «тылу» Китая. Более того, Вашингтон начал проводить в АТР политику регионального сдерживания КНР, вовлекая в неё Австралию, Индию, Японию, Вьетнам, другие страны. Поэтому многие китайские эксперты высказываются за полный вывод американских войск из ИРА и Центральной Азии.

Другие представители правительственных и научных кругов КНР обеспокоены тем, что планируемый срок вывода войск альянса может оказаться преждевременным, поскольку силы коалиции борются против боевиков «Аль-Каиды», «Талибана» и других движений, которые, в частности, поддерживают уйгурских сепаратистов, выступающих за отделение Синьцзяна. Исход западных сил из Афганистана вызовет рост религиозного фундаментализма и террористической угрозы в СУАР (Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР).

В Китае вызывает беспокойство и то, что нынешние потрясения на Ближнем Востоке, названные «арабской весной», могут распространиться на страны ЦАР – регион, важный для Пекина в связи с его территориальной близостью к Китаю. А это значит, что растущий импорт электроэнергии в КНР через ЦАР может стать более опасным. Наконец, вывод войск коалиции из ИРА сделает китайские инвестиции в этой стране более уязвимыми из-за нападения талибов или иных экстремистских групп на соответствующие объекты.

Существует мнение, что угрозы региональной и собственной безопасности и стабильности побудят Пекин к прагматичному сотрудничеству с правительством талибов в случае их прихода к власти в Кабуле. Но при условии, что те будут уважать растущее экономическое присутствие КНР в регионе и не станут поддерживать уйгурский сепаратизм в Синьцзяне. Такой шаг покажет готовность китайского руководства проводить самостоятельную политику на афганском направлении. Пекин располагает возможностями использовать для решения указанных проблем влияние Исламабада – своего традиционного партнёра – на талибов. Нельзя исключить, что подобные действия Пекина могут быть встречены с пониманием и в некоторых странах Запада, при условии, что Китай сможет добиться от Пакистана ограничения поддержки, которую «Талибан» оказывает международным террористическим группировкам [1].

В свете предстоящего вывода войск коалиции из Афганистана китайские официальные лица высказывают пожелание о расширении сотрудничества России, НАТО, других стран с целью политической стабилизации, общественного прогресса и экономического развития Афганистана. Представители КНР подчеркивают, что китайское правительство выступает против всех форм терроризма и поддерживает стратегию национального развития Афганистана, которая направлена на ослабление социально-экономических причин терроризма. Одновременно они хотят, чтобы китайские компании сохранили доступ к природным ресурсам и экономической инфраструктуре Афганистана.

Учитывая возможность «балканизации» Афганистана, Китай даёт понять Западу, что он готов прийти ему на помощь, так как китайские предприятия в стране пользуются безопасностью, которую им обеспечивает западная коалиция. Взаимодействуя с Вашингтоном, Пекин стремится защитить свои интересы с помощью минимальных экономических и военных усилий. При этом нельзя исключать, что КНР может отдать предпочтение развитию диалога по афганской проблеме напрямую с США. Китай считает важным для себя поддержание позитивных отношений с Западом и старается избегать всего, что может осложнить эти отношения, так как придаёт большое значение финансово-экономическим связям с США, достигшим беспрецедентных объёмов (объём торговли между Китаем и США составляет почти 450 млрд. долл. в год [11]).

В **России** также высказывается несколько противоположных точек зрения на ситуацию в Афганистане. Одна из них заключается в том, что возможность сотрудничества по афганской проблематике серьёзно осложняется геополитическим соперничеством за влияние в ЦАР и ценностно-идеологическими разногласиями. Это находит отражение в таких вопросах, как поддержание либо свёртывание «северного маршрута» и осуществление военно-технического сотрудничества с центральноазиатскими странами, не говоря уже о разногласиях в таких ключевых вопросах, как демократизация общества и установление более либеральной власти в республиках ЦАР. Деятельность Запада в этом направлении воспринимается рядом российских экспертов как направленная на заведомую дестабилизацию региона с целью нанесения вреда и РФ, и КНР. Это усиливает противостояние между двумя альянсами: Китай – Россия в рамках ШОС и США – государства Европы в лице НАТО.

Присутствие США в ЦАР опасно с точки зрения интересов РФ в регионе, так как оно может привести к понижению общего уровня сотрудничества с центральноазиатскими государствами [9]. В отличие от Китая, которому «есть что терять в Афганистане», у России в ИРА нет экономических проектов. Кроме того, несмотря на неоднократные обращения Москвы к Вашингтону, реальной борьбы с наркопроизводством в Афганистане и его трафиком в Россию не ведётся. Поэтому, как считает ряд экспертов, следует вывести все войска западной коалиции как из Афганистана, так из ЦАР. По существу, такая позиция – это скатывание к периоду «холодной войны», чего в России не хочет никто. К тому же состояние вооружённых сил в РФ, особенно после реформ последних лет, несравнимо с тем, каким оно было во времена Советского Союза.

Есть и другая точка зрения. Она заключается в том, что вывод войск западной коалиции из Афганистана создаст проблемы для безопасности России, так как действия коалиции в определённой степени противодействуют нарастанию угрозы с афганско-центральноазиатского направления.

Вывод американских войск из Афганистана потребует новых усилий и затрат по противодействию вызовам и угрозам оттуда, прежде всего терроризму, распространению нестабильности и наркоторговле. Эта точка зрения была высказана В.В. Путиным летом 2012 г. в Ульяновске и ещё раньше (в 2010 г.) обозначена в статье Д. Рогозина и Д. Громова, опубликованной в «Нью-Йорк таймс». Схожей позиции придерживаются и центральноазиатские государства – члены ШОС. Главный посыл заключается в том, что РФ несёт ответст-

венность за безопасность государств ЦАР, а потому стабильность в них тесно связана с безопасностью России. Следовательно, наличие войск МССБ в Афганистане, так или иначе, служит интересам России, и нужно сохранять северную линию снабжения войск НАТО.

При этом в правительственных кругах России полагают, что в вопросах региональной безопасности, включая афганскую проблематику, администрация президента Обамы продолжит не совсем успешную «перезагрузку отношений» с Москвой. В этом плане вопросы транзита через Россию по СРС станут той сферой взаимодействия, которая хоть как-то позволит поддерживать позитивные отношения с США, несмотря на принятие обеими сторонами законов, которые в последнее время существенно осложнили российско-американские отношения.

Перспективные шаги в интересах поддержания стабильности в Афганистане и региональной безопасности совместными усилиями

Несмотря на несовпадение оценок ситуации, складывающейся в Афганистане, и исходящих оттуда угроз, в России и Китае, с одной стороны, и на Западе – с другой, наблюдается сходство позиций относительно направлений деятельности по снижению возможности негативного развития событий в связи с грядущими переменами в регионе:

- в политической области – необходимо сохранить стабильность в Афганистане после вывода оттуда группировки МССБ и не допустить развязывания гражданской войны, предотвратить превращение Афганистана в зону подготовки радикально настроенных боевиков на юге и востоке страны, поддерживать меры безопасности в ЦАР;

- в военной области – обеспечить безопасный вывод сил коалиции из Афганистана по маршруту СРС, укрепить позиции афганской армии, предотвратить проникновение в республики ЦАР радикальных группировок, контрабанду оружия;

- в экономической области – содействовать восстановлению афганской экономики, повысить приток иностранных инвестиций в ИРА, реализовать энергетические и транспортные проекты в регионе, установить действенный контроль над производством наркотиков с запретом их нелегального провоза в другие страны.

Исходя из этого странам ШОС и западному сообществу уже сейчас целесообразно начать выработку мер, способных обеспечить безопасность Афганистана и стран ЦАР после 2014 года. При этом недопущение негативных сценариев в ИРА и на пространстве ЦАР требует консолидации усилий, которые должны приложить заинтересованные страны и организации западного сообщества во главе с США, а также государства ШОС во главе с Китаем и Россией, при активном участии ООН и самого Афганистана, так как очевидно, что в одиночку Афганистан не сможет достичь мира и согласия в стране после 2014 года.

В отличие от НАТО, имеющей североатлантическую направленность, географическую ориентацию деятельности ШОС можно определить как центральноазиатскую. Ключевые программы ШОС в сфере безопасности (борьба

против «трёх зол» – сепаратизма, религиозного экстремизма и терроризма), а также экономического и гуманитарного сотрудничества связаны, в основном, с этим регионом. Причём влияние связанных с Афганистаном проблем остро ощущается на положении всех государств – членов ШОС. Поэтому после ухода основной группировки западных сил из Афганистана именно странам ЦАР придётся усилить меры безопасности, так как они не смогут сидеть сложа руки, глядя на то, как у их границ или в зоне их интересов утверждается «Талибан», особенно, если его будут возглавлять исламские экстремисты. Страны-наблюдатели при ШОС (Индия, Пакистан, Иран) также заинтересованы в этом.

Уже сегодня имеются предпосылки для сотрудничества в рамках такого расширенного альянса. Если говорить об Афганистане, то Х. Карзай практически постоянно присутствует на саммитах ШОС, а его представители действительно работают в контактной группе «ШОС – Афганистан». Кроме того, в вопросах борьбы с наркотрафиком и терроризмом ШОС активно сотрудничает с правительством Х. Карзая и – косвенно – с НАТО и США [4]. По этим же вопросам ШОС уже имеет соглашения о партнёрстве с ООН, СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и АСЕАН.

Между тем среди представителей западного истеблишмента бытовало мнение, что ШОС имеет антиамериканскую направленность и создавалась как противовес НАТО. Поэтому Вашингтон предпочитал развивать двусторонние отношения с центральноазиатскими государствами, игнорируя ШОС как региональную структуру. Однако ошибочность этого мнения очевидна, ибо и Россия, и Китай настолько заинтересованы в нормальных отношениях с США, что не намерены ставить их под удар, реализуя некий вариант военно-политического альянса – антагониста НАТО. Поэтому отношение Вашингтона к ШОС стало постепенно меняться: от нейтрального наблюдения за её деятельностью до зондирования возможности в том или ином качестве войти в эту структуру.

Такая перемена даёт шанс США и странам западного сообщества совместными усилиями с ШОС работать по нейтрализации тех негативных явлений, которые после 2014 г. ожидаются в ИРА и ЦАР.

Исходя из того, что интересы участников возможной коалиции совпадают, её основной целью может стать совместная выработка стратегии, основной тезис которой может быть сформулирован следующим образом: ***приоритетной задачей должно стать достижение стабильности в Афганистане и укрепление связей как с западным сообществом, так и со странами Центральной и Южной Азии.*** Направления же такой стратегии могли бы быть следующими.

В политической области главным является недопущение развязывания гражданской войны в Афганистане. Поэтому представляется целесообразным продолжать переговоры с умеренным крылом «Талибана» о будущем политическом обустройстве страны. Правда, поиск путей конструктивного диалога с талибами – сложный процесс, и его удачное завершение гарантировать трудно. Очевидно, что без диалога с лидерами «Талибана» не обойтись; необходим и поиск путей вовлечения их в работу органов управления страной путём создания коалиционного правительства, а также интегрирования их в силовые структуры и создания условий экономического развития страны.

Успешная реализация переговоров во многом зависит от позиций государств – участников коалиции. Так, важным шагом в достижении стабильности в Афганистане может стать убеждение Китаем Пакистана добиться искоренения сети баз боевиков на своей территории. Как максимум, это может привести к лишению талибов «тыла», а как минимум – заставить «Талибан» пойти на переговоры с афганским правительством.

В вопросе поддержки политических процессов, ведущих к примирению в Афганистане, можно использовать опыт национального примирения в Таджикистане, полученный в 1990-х годах, благодаря которому здесь постепенно воцарились мир, стабильность и созидательная работа по развитию страны. «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане» (Москва, 23 декабря 1996 г.), подписанное при активном содействии России правительством Таджикистана и «Объединенной таджикской оппозицией» прекратило войну в стране, которая, как и в Афганистане, была продолжением политического, религиозного и этнического конфликта. В ходе примирения сторон в Таджикистане появились юридические документы и институты, которые не имели аналога на постсоветском пространстве и способствовали объединению политических сил и общественных движений [5].

Разумеется, есть отличия между ситуацией в Таджикистане тех лет и нынешней ситуацией в Афганистане. Но та концепция и те подходы к национальному согласию, которые были применены в Таджикистане, могут лечь в основу примирения и в Афганистане. Использование этой модели как варианта может открыть путь для взаимных уступок и поиска компромиссов, особенно когда это будет подкреплено использованием политических и экономических рычагов воздействия на договаривающиеся стороны. Тогда можно надеяться, что эти усилия приведут афганское общество к выбору стабильного пути развития страны. И, наконец, в деле примирения в ИРА нужно больше опираться на силы, которым продолжает доверять и которые уважает народ Афганистана, включая противоборствующие стороны. Это вожди племён и та политическая элита, из которой состоит «Лойя Джирга». Именно в их руки должно быть отдано решение судьбы страны.

Укрепление стабильности в Афганистане. В случае предоставления ООН нового мандата для международной миссии в ИРА, представляется целесообразным направить в эту миссию военных наблюдателей и представителей полиции из РФ, КНР и других стран ШОС, но ни о каком военном контингенте ШОС не может быть и речи, поскольку организация не является военно-политической структурой.

Важно наладить контакты с племенами, контролирующими Северный Афганистан, и выработать такую тактику, при которой силовые структуры обладали бы локальным преимуществом перед военной оппозицией в Афганистане, что позволило бы предотвратить их расползание в сопредельные страны. Для этого необходимо укрепление афганской границы, в том числе с помощью новейших технических средств. В содействии решению этой задачи заинтересованы не только страны ШОС, но и европейские государства НАТО, которые могли бы оказать приграничным с Афганистаном странам соответствующую помощь.

Для технического оснащения армии ИРА требуются запасные части для вертолётов советского производства, которые в настоящее время продолжают

использоваться. Целесообразно поставлять их из России. РФ также может предоставить услуги своих специалистов для модернизации этих вертолётов и обучать афганских военнослужащих. А для снижения потерь войск, выводимых из страны, целесообразно использовать российский опыт вывода сил 40-й Армии из Афганистана.

Следует и далее развивать подготовку специалистов из Афганистана по борьбе с наркоугрозой в рамках структур ШОС и НАТО под эгидой ООН. Целесообразна разработка «дорожной карты», которая предусматривала бы поэтапное продвижение к решению проблемы афганских наркотиков, содействие правительству не только в борьбе с плантациями опийного мака, но и в создании полноценной социально-экономической инфраструктуры страны, а также формирование «наблюдательного совета» коалиции для координации и повышения эффективности помощи Афганистану.

В экономической области целесообразно выработать систему взаимоотношений Афганистана с коалицией, для чего следует перейти к иной системе отношений со странами, участвующими в восстановлении Афганистана. Вместо концепции «оказания помощи Афганистану» следует перейти к развитию «сотрудничества и взаимного учёта интересов», что должно базироваться на развитии экономического взаимодействия, при котором формируются устойчивые экономические интересы сторон. Для достижения этого потребуются расширение торгово-экономических связей с возможно большим числом государств мира. Это позволит привлекать в страну их инвестиции и технологии. Для афганской экономики такие связи важны, прежде всего, с государствами Центральной и Южной Азии.

Среди других направлений развития экономического взаимодействия Афганистана с государствами и международными организациями можно назвать, *во-первых*, стабилизацию обеспечения водными ресурсами ИРА, что необходимо для развития сельского хозяйства страны. Есть несколько вариантов развития системы водопользования в регионе, включая в неё и воды Аму-Дарьи. Все они предполагают инвестирование в развитие водной инфраструктуры ИРА, что, на наш взгляд, должно стать одним из приоритетов не только для Узбекистана и Таджикистана, но и для РФ, КНР, США, а также ЕС.

Во-вторых, развитие ИРА связано с необходимостью восстановления объектов инфраструктуры страны, в том числе построенных в своё время Советским Союзом (примерно 140 объектов государственного значения). Здесь Российская Федерация может сыграть одну из ведущих ролей, ибо документация этих объектов и опыт их строительства принадлежит российским специалистам.

В-третьих, необходимо развитие дорожно-транспортной сети Афганистана, особенно железнодорожной системы ИРА, и её соединение с системами Узбекистана, Таджикистана, Ирана и Пакистана. Это дало бы дополнительные возможности для увеличения товарооборота Афганистана с сопредельными странами региона.

В интересах стабилизации обстановки в Афганистане и поддержания региональной безопасности возможной коалиции было бы целесообразно учесть те особенности, которые присущи именно афганскому обществу; не навязывать ему своих взглядов и моделей развития; предоставить афганцам самим решать свою судьбу; больше привлекать к работе над «афганской проблемой»

соседние страны; извлечь уроки из недавней истории постсоветского пространства и присутствия СССР в Афганистане.

Это далеко не полный перечень тех направлений в политической, экономической и военной областях, которые могут стабилизировать обстановку в Афганистане и в ЦАР в свете вывода войск западных государств из ИРА.

* * *

Нынешняя ситуация в Афганистане и перспективы её развития после вывода оттуда иностранных войск вызывает беспокойство у международных экспертов. Ситуация в сфере региональной безопасности может оказаться нарушенной из-за возможности распространения нестабильности из Афганистана, что негативно повлияет на интересы многих акторов, действующих в регионе. И если ими заранее не будут предприняты совместные шаги в области укрепления региональной стабильности, последствия могут быть самыми серьёзными и для Афганистана, и в целом для региона, в котором намечается тенденция к расширению взаимодействия между США/НАТО, с одной стороны, и Россией/ШОС – с другой. К этому Запад подталкивает отсутствие прогресса в деле нормализации обстановки в ИРА, нарастание активности исламистов в Афганистане и Пакистане, усиливающаяся сложность в снабжении группировки сил США и МССБ. В то же время Россия заинтересована в сохранении региональной безопасности на своих южных границах, а также сокращении наркотрафика в страну. У Китая те же интересы, плюс желание сохранить свои экономические проекты в Афганистане.

Есть немало разногласий по афганско-центральноазиатской повестке, что вызывает у многих российских и китайских экспертов сомнения относительно необходимости расширения сотрудничества с США на этом направлении. Тем не менее, складывающаяся в регионе ситуация объективно свидетельствует о необходимости наращивания позитивного взаимодействия по афганской проблематике. Идея регионального сотрудничества в рамках возможной коалиции заинтересованных сторон не противоречит интересам ни противников, ни сторонников такого партнёрства, так как в этой коалиции учитываются их совпадающие интересы. И его целесообразно осуществлять независимо от того, какой курс изберёт для себя будущее правительство Афганистана.

Список литературы

1. *Вайц Р.* Афганистан, вывод войск, Китай, НАТО, США. 09.07.2011 (<http://blogs.voanews.com/russian/us-russia>).
2. Комсомольская правда. 13–20.12.2012 (www.kr.ru).
3. Коренев *Е.* Вывод войск США из Афганистана. Что будет с регионом? ([www://modernpolitics.ru/2012/09/](http://www.modernpolitics.ru/2012/09/)).
4. *Морозов Ю., Лузянин С.* ШОС: возможные пути развития // Азия и Африка сегодня. 2011. № 4.
5. *Морозов Ю.* Миротворческая деятельность России на постсоветском пространстве // Доклад ИЕ РАН. 2007. № 185.
6. *Нессар О.* Афганистан: от экономики войны к экономике добрососедства (af@afghanistan.ru).

7. *Портяков В.* Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 25.
8. *Спера Л.* Китай протягивает руку НАТО в Афганистане // Limes. 03.10.2012.
9. *Фроман-Мерис А.* Афганистан: возвращение России // Le Figaro. 04.09.2012. Инопресса.
10. Afghanistan: Der Abzug wird teuer (inosmi.ru/world/20120704/194483256.html 20/05/2012).
11. Russia-China Rapport Can Be Pillar of International Stability // Global Times. 28.11.2012 (<http://rickrozoff.wordpress.com>).
12. NATO Missiles in Turkey: Libyan Scenario, Part of Broader System. 23.11.2012 (http://english.ruvr.ru/2012_11_23/NATO-shows-great-interest-in-deployment-of-Patriot-missile-air-defence-systems).
13. Northern land Routes to Be Crucial in U.S. Withdrawal from Afghanistan (inosmi.ru/world/20120704/194483256.html).
14. *Volkhonsky B.* How Many U.S. Troops to Stay in Afghanistan and for How Long? 13.12.2012 (http://english.ruvr.ru/2012_12_13/).
15. Pakistan Opens NATO Supply Line in Boon to U.S. Forces in Afghanistan. (inosmi.ru/world/20120704/194483256.html 03/07/2012).
16. U.S. Troops to Stay in Afghanistan // Voice of Russia. 23.11.2012.